
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

В. И. МЕТЛОВ

ПРИСУТСТВИЕ КАНТА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

«Кант – философ нашей судьбы – Кант, а не Гегель или Ницше, или даже Хайдеггер, хотя последние в большей мере определяют современную проблематику, чем двигающийся во тьме прошедшего почти мистический образ Канта» – так писал один из исследователей трансцендентальной философии (Schwarz В. Zur Kritik des Transzendentalismus. Zeitschrift fur philosophische Forschung. Bd 24, Heft 4, S. 564).

Сказанные более тридцати лет назад, эти слова не перестают быть верными в наши дни. Ни один философ до и после Канта не выразил с такой ясностью и с такой полнотой все противоречия, которыми чревато буржуазное общество и его сознание. Именно выразил, по-видимому, не пытаясь даже ставить вопрос об общей основе происхождения выявленных им противоречий. Отрыв жизни от мысли, теоретического от практического, эмпирического от рационального, добродетели от счастья, разума от веры, причинности от телеологии, вкуса от понятия – словом, антиномии, представленные в трех «Критиках», продолжают оставаться существующими в этом качестве в философском сознании наших дней вот уже без малого двести лет со дня смерти И. Канта. Скажем больше, родоначальник немецкой классической философии оказался тем, кто задал непреодолимый для философии нашего времени барьер.

И. Кант с его коперниканским переворотом в познании, с акцентом на активность сознания, субъекта – родоначаль-

ник немецкой классической философии, т. е. той философской традиции, которая явилась одним из главных источников формирования метода К. Маркса, исторического материализма, материалистической диалектики, традиции, фактически шаг за шагом снимающей философию в наукоучении, в науке логики, наконец, в историческом материализме. Кант – автор такого шага в философии, который, представляя собой начальную форму становления активности субъекта, ведет при последовательном его применении к преодолению агностицизма, гносеологического отчуждения субъекта от объекта, и, как следствие, к становлению исторического видения действительности.

Но Кант оказывается отправным пунктом развития не только классической немецкой философии, но и той традиции, начало которой положил А. Шопенгауэр. Дуализм, пронизывающий все аспекты кантовской концепции и выражающийся прежде всего в разделении мира на феноменальный и ноуменальный как методологической и метафизической основе всех других форм его, оказывается фактором, освящающим агностицизм и антисторизм. В «Критике чистого разума», «Критике практического разума» содержится уже основа будущего столкновения философии Гегеля и философии Шопенгауэра. Но конфронтация Шопенгауэра с Гегелем – это конфронтация двух прочтений Канта: конфронтация Канта коперниканского переворота и Канта автора дуалистической системы.

Нельзя также не обратить внимание и на следующее: первоначальная реакция на идеализм, религию, институты буржуазного общества, как правило, носит кантовский характер, в том смысле, что противопоставляет им абстрактную противоположность, не имея на первых порах достаточных сил для снятия возникающей при этом антиномичности. Так возникает абстрактный материализм, равный абстрактному спиритуализму, атеизм, представляющий собой лишь отрицание бога и не ведающего покамест необходимости положительного утверждения человека, пролетарская культура, противопоставленная всей предше-

ствующей. К. Маркс и В. И. Ленин очень хорошо понимали это обстоятельство.

Кант оказывается объектом критики и отправным пунктом для противоположных философских доктрин уже в наши дни – и логико-аналитическое направление, и направление феноменолого-герменевтическое черпают свое вдохновение или материал для критики именно у Канта. Э. Гуссерль первого десятилетия 20 века не так уж сильно отличается от неокантианцев (в частности, в своей борьбе против психологизма; с другой стороны, понятие интенциональности сознания оказывается, например, не чуждым для Г. Когена). Явной реакцией на неокантианскую, гносеологическую, интерпретацию кантовской философии является работа М. Хайдеггера «Кант и проблема метафизики» (1929).

Ф. Энгельс называет Канта в числе тех философов, которые существенно связаны с созданием теории научного социализма. Но Кант оказывается основной фигурой, на базе работ которого возникают различные ревизии марксизма. Достаточно вспомнить в этой связи Э. Бернштейна, поставившего вопрос о возможности научного социализма по аналогии с известными кантовскими вопросами в «Критике чистого разума» «Как возможна метафизика как естественная склонность?» (у Бернштейна «Как возможна вообще метафизика»), «Как возможна метафизика как наука», или работы К. Форлендера «Кант и социализм» (1900), «Кант и Маркс» (1911).

Критический рационализм, который с некоторых пор стал как бы официальной философской доктриной социал-демократии, хотя и не в первую очередь ссылается на Канта в качестве своего непосредственного источника, фактически по всему своему идейному строю, по своей архитектонике, оказывается творением, самым существенным образом отмеченным влиянием Канта.

Впечатляющим является присутствие Канта в методологических исследованиях научного познания наших дней. Все самые значительные антиномии оснований современного научного знания – конечного и бесконечного, дис-

кретного и континуального, причинного и телеологического – восходят к столкновениям антиномии чистого разума.

Принцип дополнительности, которому в отечественной философии одно время придавали статус естественно-научного воплощения диалектической противоречивости, представляет собой по своему происхождению типично кантовский уровень развития диалектической противоречивости. Правда, следует иметь в виду одно принципиально важное соображение: то, что у Канта является границей научного познания, у Н. Бора становится собственным содержанием науки. Сделавший своим коперниканским переворотом радикальный шаг в развитии представлений о познании, Кант вместе с тем отказывается от тех следствий, которые могли бы иметь место в случае последовательного проведения этого шага и которые в 20 столетии стали основными проблемами оснований практически всех отраслей научного познания. Мы имеем в виду потрясшие основания науки парадоксы, антиномии, в том числе основания, казалось бы, самых надежных ее разделов, математики, физики.

Заметим также, что в основаниях науки, в частности, в основаниях математики, сложились два основных подхода, которые опираются на Канта, но которые заимствуют у Канта различные вещи, а потому, построенные, например, системы обоснования математики оказываются различными, может быть, даже правильнее будет сказать, противоположными, хотя нетрудно показать вместе с тем и то, где и как эти противоположности сходятся. Историки и философы математики знают об оппозиции Д. Гильберта и Л. Брауэра, каждый из которых обращается к Канту в своих исследованиях в области оснований математики.

Кант поставил вопросы о полноте и надежности всех частей создаваемой им системы трансцендентальной философии как системы всех принципов чистого разума (Критика чистого разума. Петроград, 1915. С. 37), вопросы, которые станут в наше время вопросами о полноте и непротиворечивости формальных систем.

Так называемая неклассическая наука, которая якобы заступила место классической, ньютоновского типа науки (см., напр.: Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 623), на деле оказывается наукой, вполне отвечающей кантовской модели естествознания. Да и так называемую постнеклассическую не столь уж трудно вместить в эту модель. Если существенным отличительным признаком неклассической науки является участие субъекта в формировании объекта собственной познавательной деятельности, то в классической науке, в первую очередь, в квантовой механике, мы находим непосредственное воплощение кантовского представления о науке, представления, которое он положил в основу преобразования познания. К. фон Вайцзеккер не ошибается, когда утверждает высокую важность кантовской теории естествознания для понимания физики наших дней.

Разведение обосновательных и методологических исследований, хотя его корни уходят в седую древность, можно сказать, представляет собой копию структур кантовских критик, в первую очередь, конечно, «Критики чистого разума» с ее выделением трансцендентального учения об элементах и трансцендентального учения о методе.

Дискуссия Э. Кассирера и М. Хайдеггера, которая впервые в отчетливой форме представила контроверзу гносеологического и онтологического прочтения Канта на встрече немецких и французских интеллектуалов в Давосе в 1929 году, также представляет собой событие в интеллектуальной жизни Европы, которое еще раз иллюстрирует богатство кантовского наследия, из которого черпают идеи представители совершенно противоположных философских направлений.

Современное противостояние аналитической и континентальной традиций в философии имеет кантовский характер, условия его возникновения – разведение субъектного и объектного моментов, естественно исключающее саму возможность возникновения этого отношения на каждом из названных уровней, – те же, что и условия существования

гетерогенных элементов и антиномических ситуаций у Канта. Полнота охвата проблематики Кантом, но и характер подхода к ее исследованию, делает его источником практически всех современных течений в философии.

Кант, однако, является отправной точкой развития как для сторонников его философии, так и для наиболее ярких его противников, оказываясь объектом острой идейной борьбы. Кант – «философ свободы, человечности и совести» (К. Поппер), но Кант – «уродливейший идейный калека, какой только существовал» (Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 593), которому суровый критик отказывает в интеллектуальной честности (Там же. С. 602).

«...Никто, как представляется, не может понять действительно, с философской строгостью квантовую теорию, то есть современную физику, если он не понял прежде кантовскую теорию естествознания», – утверждает крупный физик и философ (Weizsacker C. von. Die Einheit der Natur. Munchen: Hansen, 1971. 409).

Нам, современникам Бора и Эйнштейна, писал Г. Райхенбах, никогда не понадобится Кант. Основанный им журнал «Erkenntnis» становится через некоторое время – правда, время, чрезвычайно насыщенное событиями, – журналом кантианской ориентации.

Кант может быть, как видим, прочитан весьма различным образом, и эта возможность была реализована: Кант был одним образом прочитан философами-классиками (Фихте, Шеллинг, Гегель) и иным образом Шопенгауэром, неокантианцами, Гуссерлем и, далее, Хайдеггером. Надо, разумеется, сказать и другое: у самого Канта имеет место достаточное количество оснований для разночтений. Дело не должно быть сведено лишь к различию позиций читателей Канта. Различие, противоположность оценок, которые даются как философии Канта в целом, так и ее различным аспектам, свидетельствуют, как нам представляется, не только о различии философских позиций авторов, приступавших к изучению, освоению Канта, но и о том внутрен-

нем, присущем самому Канту, его работам, многообразии, противоречивости, которые в самой существенной степени ответственны за многообразие оценок творчества философа.

Кант живет в эпоху, отмеченную кризисом философии. Этот кризис, который отчетливо осознается Кантом, резюмируется в столкновении эмпиризма и рационализма. Локк (1632–1704) – Лейбниц (1646–1716) могут быть названы как имена-вехи, символы, представляющие соответственно названные традиции в философии. Может быть, кризисное состояние современной философии объясняет и современный интерес к Канту. Современная философия также переживает кризис, и это, по крайней мере, оправдывает обращение к Канту, осознавшему кризис философии своего времени и пытавшемуся разрешить кризисную ситуацию отнюдь не безынтересными для нас средствами. Конечно, было бы натяжкой прямолинейное отождествление эмпиризма времен Локка с логико-аналитической традицией наших дней, а априоризма Лейбница с феноменолого-герменевтической (континентальной) линией развития современной философии. Но нельзя не видеть здесь общей основы формирования противостояния в каждом из названных случаев – в 18 столетии и в 20 столетии – а именно: определенного – и идентичного в обоих случаях – характера отношения субъекта и объекта. Можно привести и более детальные основания для этого сопоставления: кризис современной философии носит в общих чертах такой же характер, что и кризис современной Канту философии, а именно: в основе его лежит определенное понимание отношения «субъектное-объектное». Опыт преодоления кризиса Кантом характеризуется акцентом на активности субъекта. Но выдержать этот подход с необходимой для преодоления кризиса последовательностью Кант не имеет никакого желания, оставляя эту работу для тех, кто следует за ним.

Надо отметить и самое фундаментальное: Кант живет в эпоху, отмеченную острыми конфликтами, и он сумел найти концептуальные – пусть и достаточно абстрактные – формы для выражения этих конфликтов. Кант очень близко

подводит к мысли об ограниченности теоретического разума, о необходимости обращения к разуму практическому (в частности, в случае разрешения антиномий). Этот всю жизнь проживший в родном городе человек был больше, чем кто-либо, человеком мира, остро ощущавшим все его противоречия, его разорванность. Он выразил это положение вещей с такой полнотой и ясностью, которые остаются стандартом и в настоящее время. Тем самым Кант вплотную подвел нас к проблеме критики самой действительности. Канту достаёт сил для того, чтобы сформулировать противоречия, но он уже не в состоянии не только разрешать их, но даже поставить вопрос о такой возможности. Впрочем, кажется, у него и нет такого желания. Дуализм – последнее слово его концепции.

Ставшая едва ли не фольклорной концепция вещи-в-себе представляет собой точную аналогию вещи в себе, представление о которой сформировалось в рожденной в это время другой теории, у современного Канту шотландского мыслителя А. Смита. В обоих случаях мы имеем дело с отчуждением – гносеологическим, в одном случае, и экономическим – в другом. С анализа отчуждения, зафиксированного Кантом в области философии, начинается работа по преодолению отчуждения более фундаментального, отчуждения производителя от произведенных им продуктов. Гносеологическому отчуждению у Канта соответствует политико-экономическое отчуждение у А. Смита. После Канта некогда отдельные линии анализа отчуждения становятся постепенно единой традицией исследования отчуждения, и забота об экономической проблематике уже не будет покидать классиков немецкой философии.

В этой связи едва ли возможно считать состоятельными опыты монистического прочтения Канта, наметившегося уже у первых неокантианцев, в частности у Когена, и, конечно, у Хайдеггера.

Чем объясняется непреходящий интерес к кенигсбергскому мыслителю, может быть, более точным будет сказать, непрекращающееся воспроизведение в современной фило-

софии дилемм, сформулированных в его работах? Как, в частности, объяснить неподдельный интерес революционеров современного научного познания к мыслителю, который был убежден в незыблемости ньютоновской картины мира, аристотелевской логики, эвклидовской геометрии? Часть ответа, нам представляется, лежит на поверхности: широта охвата Кантом проблематики, современной ему, делают его источником вдохновения для самых различных авторов. Мы уже отметили, что никто из философов с такой полнотой не выразил противоречий современной ему эпохи. Кажется, дуализм его делает лишь более выпуклой эту сторону дела.

Сегодняшний интерес к Канту, отнюдь не всегда явно выраженный, скорее представленный прежде всего кантовского характера ситуациями, объясняется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, тем, что глобализация сделала лишь более масштабными все основные противоречия, уже сформулированные Кантом в достаточно абстрактной форме. Кажется, разорванная действительность, сказал бы Маркс, подтверждает внутренний разорванный принцип. Дуализм кантовской философии, кажется, наилучшим образом соответствует разорванности эмпирической реальности современного общества. Это, в сущности, является последней основой актуальности Канта.

Во-вторых, тот не критический позитивизм современной философии, который отмечался уже К. Марксом у его современников: утратив веру в подрывную силу негативности (Lyotard), философия занялась фиксированием существующего положения вещей, началась эпоха, в которую от реальных проблем отделялись ярлыками – постпозитивизм, постмодернизм, постклассическая наука, постэкономическое общество и т. п. Нельзя сказать, что не анализируется содержание того, что обозначается названными словами, но этот анализ с самого начала имеет дело с жесткой, не подвергающейся сомнению, констатацией существования модуса новизны у всех названных «пост», тогда как именно существование этой новизны и является проблемой. Без-

условное уважение к факту, которым характеризуется позитивизм вообще, связывает, тем не менее, его с описательностью за счет углубленного изучения условий возникновения описываемого положения вещей.

Перед необходимостью выбора из двух возможных прочтений Канта – а ла Фихте-Гегель и а ла Шопенгауэр – современная философская мысль явно склоняется к Шопенгауэру и обнаруживает немного симпатий к Фихте и Гегелю.

То, что бесспорно было открытием во времена Канта, становится общим местом в 20 и тем более в 21 столетии. Кант банализируется. В этом отношении его дуализм как нельзя лучше подходит к сложившейся в обществе и науке ситуации разорванности в смысле некритического фиксирования сложившегося положения вещей: в обществе – углубляющаяся дифференциация на богатых и бедных, в науке – разрыв между бытием и становлением. Конечно, как и во времена, более близкие к Канту, существует как минимум две возможности прочтения Канта. Реализация той или иной из них зависит уже от условий, внешних для собственно философского дискурса (практический разум Канта): они определяют или охранительную, консервативную, или субверсивную, революционную позиции; или принимается сложившееся положение вещей в обществе и науке, или восстают против него. Для Канта – это выбор между тезисом и антитезисом антиномии, определяемый экстратеоретическими соображениями, но сделанный им коперниканского масштаба шаг в философии потенциально содержал и возможность осуществления снятия антиномии в синтезе тезиса и антитезиса. Возможность эта не стояла перед самим Кантом, и ее реализация фактически означала выход за пределы его философствования.

То, что в наше время оставляет философов с Кантом – это неприятие ими того прочтения Канта, той линии развития Канта, которая представлена Фихте и Гегелем, т. е. диалектической линии, линии, на которой сформировалось историческое видение реальности.

Явно выраженные намерения философа в определенной мере позволяют, конечно, приблизиться к ответу на вопрос о том, что является главным в философии Канта. Этот ответ может быть резюмирован в нескольких словах: это дуализм. Если мы посмотрим, однако, на характер развития кантовской философии и у непосредственно следовавших за ним авторов, и в наше время, то будем вынуждены проявить определенную осторожность и уточнить приведенный ответ. Дуализм феноменального и ноуменального, конечно, является и способом разрешения Кантом стоящих перед ним проблем, и результатом его философствования. Однако, коперниканский переворот, хотя и представляет собой лишь один из элементов кантовского метода решения проблем, оказывается, тем не менее, настолько существенно определяющим развитие Кантом программы решения поставленных задач, что совершенно не случайно именно он послужил отправным пунктом развития кантовских идей в последующей классической традиции и именно им Кант оказывается интересным для современного научного познания.

«Пример математики и естествознания, – пишет Кант, – достигнувших благодаря быстро совершившейся революции теперешней ступени своего развития, достаточно замечателен, я полагаю, чтобы побудить к исследованию той сущности перемены в образе мышления, которая оказалась для них столь выгодной, и чтобы, по крайней мере, попытаться подражать им, поскольку это возможно благодаря сходству их как познаний разума, с прежнею метафизикою. До сих пор господствовало предположение, что все наши познания должны соотносываться с предметами; однако при этом предположении все попытки дойти а priori через понятия до чего-либо, что расширяло бы наши знания о предметах, рушились.

Поэтому следует хоть раз испытать, не разрешим ли мы задачи метафизики более удачно, если предположим, что предметы должны соотносываться с нашим знанием, тем более, что это предположение лучше согласуется с

требованием возможности априорного знания, которое должно установить некоторые положения о предметах раньше, чем предметы даны нам. Здесь повторяется нечто подобное мысли Коперника: когда оказалось, что гипотеза вращения всех небесных светил вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет небесные движения, то он попробовал, не удастся ли достигнуть лучших результатов, если предположить, что наблюдатель движется, а звезды находятся в покое (курсив наш. – М. В.). И в метафизике можно сделать такое же предположение, что касается *наглядных представлений* предметов. Если бы наглядные представления должны были согласовываться со свойствами предметов, то я не усматриваю, каким образом можно было бы знать что-нибудь а priori о предметах; наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются со свойствами нашей способности представления, то я вполне понимаю возможность априорного знания» (Критика чистого разума... С. 12/13).

Главное, на что здесь обращает внимание Кант, состоит в следующем: «...мы а priori познаем о вещах лишь вложенное в них нами самими» (Там же). Нам представляется, что мы имеем здесь дело с первым шагом на пути представления познания как имеющего своей основой практику, т. е., когда имеет место такое положение вещей, которое выражено положением: «...предмет, действительность, чувственность берется ...как человеческая чувственная деятельность, практика...» (К. Маркс. Тезисы о Фейербахе).

Сразу же заметим, что Кантом именно содержание чувственного знания не берется субъективно, как сказал бы Маркс, субъективно берется лишь то, что относится к априорной части того, что может пониматься как предметная реальность, и именно это в первую очередь составляет в данном случае половинчатость Канта, за которую его упрекнет уже Фихте, устранивший названный дефект метода своего предшественника именно в этом пункте.

«Кант отправляется в «Критике чистого разума» от такой точки рефлексии, на которой даны время, пространство и не-

которое многообразие созерцания – даны и уже наличны в Я и для Я, мы вывели их теперь а priori, и вот они наличны в Я. Своеобразие наукоучения, что касается теории, таким образом установлено, и мы покидаем нашего читателя теперь как раз у той самой точки, в которой его поджидает Кант» – так писал **Фихте** в «Очерке особенностей наукоучения по отношению к теоретической способности» (Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 433). Мы не без основания считали, что Фихте устраняет недостаток кантовской системы как субъективный идеалист, устраняющий материалистический элемент в критикуемой системе, но важно понять и другое: только это позволило Фихте стать сознательным, я бы сказал, положительным диалектиком, тогда как для Канта диалектика представляется фактически неизбежным злом.

Но даже та половинчатость в допущении фактора активности субъекта в процессе познания, с которой мы имеем дело в «Критике чистого разума», необходимо ведет к появлению диалектической ситуации. Эта последняя выражается прежде всего в появлении антиномии чистого разума. Диалектика Канта, точнее, трансцендентальная диалектика, начинается не с антиномии, но в одном, по меньшей мере, отношении полезно начать именно с нее потому, что рассмотрение антиномии позволяет отчетливо понять связь антиномии с активностью субъекта, с коперниканским переворотом в философии Канта, а лучше сказать, позволяет охарактеризовать условия возникновения антиномических ситуаций вообще.

Говоря о необходимости возникновения антиномии, Кант подчеркивает, что «разум необходимо приходит к ним в непрерывном ряду эмпирического синтеза, если хочет освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целостности то, что по правилам опыта всегда может быть определено только условно» (Критика чистого разума. Петроград, 1915. С. 286). Д. Гильберт выразится по подобного рода поводу короче: в понятии «совокупности всех вещей кроется неизбежное противоречие» (Основания геометрии. М. –Л., 1948. С. 324).

Нельзя не отметить, что обрисованная Кантом ситуация представляет собой типичный путь возникновения антиномических ситуаций вообще, будь это основания математики, физики, биологии, лингвистики, – словом, любой отрасли научного познания, а вообще говоря, и не только научной сферы.

Задача, решению которой отдается Кант в первой из «Критик», с самого начала выглядит противоречивым предприятием: с одной стороны, Кант, кажется, не испытывает ни малейшего сомнения в критике Юма, с которой тот обрушился на научное знание, на знание вообще; с другой стороны, Кант не может отказаться от того приобретения, которое связано с деятельностью Ньютона, вообще создателей естествознания Нового Времени. Более того, практика великих основателей науки Нового Времени принимается им, как мы видели, в качестве образца для подражания в деле решения собственно философских проблем. Но он не решается экстраполировать ее на решение проблем эмпирического уровня, существование которого заставляет Канта обратиться к элементам, выходящим за рамки заявленного общего – коперниканского – подхода к проблемам познания. Кант тем самым остается внутри дилеммы «эмпирическое-теоретическое».

Разрешение возникающей здесь антиномической ситуации возможно только при последовательном проведении заявленной в «Критике чистого разума» программы. Последовательно проведенный коперниканский, в смысле Канта, переворот смог бы обеспечить монизм, целостность, последовательность кантовской системы, хотя в некотором смысле можно сказать, что целостность кантовской системы – это целостность непоследовательности: Кант последователен в своей непоследовательности. Кажется, это обстоятельство дало Ницше основания назвать философию Канта философией задних дверей.

Поставив проблемы обоснования знания, возможности его расширения, Кант оказывается не в состоянии отыскать общую основу их решения и фактически вводит гетероген-

ные элементы, позволяющие справиться с проблемами на фактически не связанных друг с другом линиях развития знания. Разделение на ноумены и феномены играет в этих его поисках решения проблем важную методологическую роль и отмечается Шопенгауэром как важнейшее завоевание кенигсбергского мыслителя. Но и Кассирер, более аккуратный читатель Канта, согласен с Шопенгауэром в данном отношении, и нам представляется, он совершенно прав. Возражая Хайдеггеру, подчеркивая, что главное у Канта – это его бескомпромиссный дуализм, Кассирер отмечает: «Кант никогда не поддерживает такой «монизм» воображения; он привержен решительному и радикальному дуализму, дуализму мира чувственного и мира интеллигибельного. Ибо *его* проблема это не проблема «бытия» и «времени», но проблема «бытия» и «должного быть» («devoir-être»), «опыта» (°expérience°) и «идеи» (°idée°) (Colloque de Davos, 1929, Ed. P. Aubenque, p. 73).

Коперниканский переворот в познании, в отношении между субъектом и объектом, в кантовском исполнении оказывается никоим образом не связанным ни с дедукцией чистых категорий рассудка, ни со схематизмом чистых понятий рассудка, ни с учением о воображении, хотя для установления такой связи нет, нам представляется, принципиальных препятствий. Таким образом, в той мере, в какой Кант не решается и, более того, и не ставит задачей последовательно реализовать свой коперниканский переворот, его метафизика, его теория познания оказываются представленными гетерогенными элементами. Мы не можем говорить здесь об антиномичности, поскольку эта последняя возникает всегда из общего источника, тогда как у Канта здесь имеет место существование различных источников знания.

Возвращение к Канту во второй половине 19 столетия в значительной мере было реакцией на засилье гегельянства в немецких университетах, в частности; оно оказалось также выражением отношения к тому типу разрешения выявленных Кантом антитез, который был представлен Фихте,

Гегелем. Философия в лице неокантианцев вступила на путь очищения, освобождения кантовской концепции от противоречий, с которым эта философия не в состоянии была справиться: материалистический элемент был той мешающей составляющей кантовской доктрины, от которой следовало освободиться в первую очередь; так родилось специфически неокантианское гносеологическое прочтение Канта, полагавшее, что Кант нуждается именно в таком исправлении, поскольку он, как говорил Г. Коген, недостаточно освободился от субъект-объектного понимания гносеологии. Освобождение же от субъектно-объектного отношения означало одновременно и освобождение от диалектики, поскольку последняя в своем аутентичном смысле оказывается органически связанной, точнее сказать, оказывается представленной именно динамикой субъектно-объектного отношения.

Неоднородность составляющих элементов кантовской концепции в самой существенной мере послужила исходным пунктом и основой формирования совершенно противоположных прочтений Канта, неокантианского, гносеологического, может быть, лучше сказать, неокантианских, и хайдеггеровской антинеокантианской, онтологической интерпретации Канта в целом (хотя трудно говорить о целостном восприятии Канта Хайдеггером, анализируемого в известной его работе (1929) только до темы «трансцендентальная диалектика» в «Критике чистого разума») и кантовского отношения к проблематике обоснования метафизики, онтологии. Лишь на первый взгляд может показаться странным одинаково отрицательное отношение к диалектике у противостоящих философских доктрин.

Не пытаясь снять гетерогенность, антиномичность, последующие опыты прочтения Канта оказались в самой существенной степени предпринятиями докантовского уровня. Много есть причин такой неохоты заниматься устранением противоречивости кантовской доктрины. Одна из них уходит корнями в седую древность и у Канта находит свое выражение как в разделении содержания «Критик» на учение

об элементах и учение о методе, так и в антиномиях. Если мы вспомним, что соединить это не могут еще А. Бергсон и В. Оствальд, мыслители разных, чтобы не сказать противоположных, ориентаций, то многое делается понятным и извинительным в отношении Канта. А. Бергсон писал: «Существуют изменения, но за этими изменениями нет вещей, которые изменяются: изменение не нуждается в какой-то поддержке. Существуют движения, но нет инертного объекта, неизменного, который движется: (факт) движение не имплицитно движущегося тела (*mobile*)» (Bergson H. *La pensee et le mouvant*. Paris, 1934, p. 185). Подобное же мы встречаем у В. Оствальда.

Проблема, до сих пор продолжающая порождать определенные трудности, восходит к элеатам: парадокс «летающая стрела» – это парадокс предметности и развития (движения); из двух возможных ответов на вопрос о нахождении движущегося объекта в данной точке мы получаем в одном случае предмет без движения, в другом – движение без предмета (без того, что движется). Синтезировать же эти моменты под силу лишь диалектическому мышлению, а это последнее оказывалось в определенные периоды не в моде, и вовсе не в первую очередь по причине обнаруженной теоретической несостоятельности, но, кажется, потому, что порождало весьма острые социальные реминисценции.

Этот дуализм, к которому Кант, по мнению Кассирера, был столь привержен, вовсе не ощущается как нечто дающее ощущение интеллектуального комфорта уже ближайшими продолжателями дела Канта. Последующее развитие было развитием того потенциала, который содержался в коперниканском шаге Канта и который сводился к утверждению активности субъекта как фактора преодоления разлученности с объектом, с одной стороны, а с другой – самым непосредственным образом вводил все проблемы в эволюционный, диалектический, контекст. Это двояко направленное движение оказывалось возможным единственно на основе понимания необходимости логики иного типа, чем логика Аристотеля, логики, органически вклю-

чающей в себя содержательный момент, логики двууровневой, которая у Канта носит название трансцендентальной, а в дальнейшем станет называться диалектической. Отсутствие последовательности в проведении коперниканского шага оставляет Канта фактически внутри дилеммы «эмпирическое-теоретическое», делая разорванность принципа доктрины точной копией разорванности действительности, тогда как опыт последовательно проведенного коперниканского шага тотчас же выводит за пределы доктрины в область предметно-практического, указывая границы собственно кантовского критицизма.

Это был путь Фихте, Шеллинга, Гегеля, который завершился, в конечном итоге, снятием собственно философского в теоретической конструкции К. Маркса.

Современная философская традиция, кажется, отмечена в меньшей степени интересом к этой линии развития Канта. Более того, мы присутствуем в настоящее время при ее маргинализации. Шопенгауэровское прочтение Канта оказывается более привлекательным для современного философа: антиисторизм (отрицание значения коперниканского переворота в философии, который, подчеркивая активность субъекта, открывает путь историческому видению реальности), волюнтаризм (подчеркивание главенствующего значения критики практического разума в ущерб критике чистого разума), гипостазирование (абсолютизация) дуализма. Подчеркнем еще раз, что дуализм Канта – это не результат недоработки Канта, его непоследовательности, но существеннейший принцип его доктрины, которым он пользуется при решении антиномических ситуаций (см., напр.: Критика практического разума. Соч.: В 6 т. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. С. 445/6).

Можно сказать, что современная философия в очень значительной степени утратила синтезирующую силу, интерес и вкус к снятию, синтезу противоположностей. Если же исчезает забота о синтезе, о снятии противоречивости, то естественным образом из всего богатства идей, развиваемых Кантом, в расчет принимаются, за основу собствен-

ных построений, берутся отдельные стороны антиномий, сформулированных, вообще, тем или иным образом представленных Кантом. Тем самым мы оказываемся на докантовском уровне анализа философской проблематики. В конечном итоге это резюмируется в различного рода антидиалектических концепциях, как например, у Ж. Делеза (см., напр., его книгу о Ницше). Но Кант интересен прежде всего как обещание синтеза, обещание, начать выполнение которого выпало на долю Фихте и Гегеля.

Если вспомнить, что, по Гегелю, хорошая философия отличается от плохой своим пониманием тождества, то нельзя не обратить внимания именно на то обстоятельство, хорошо видимое в современных условиях, что философия наших дней отличается неудовлетворительным пониманием тождества, что атакам, явным или неявным, подвергается именно гегелевское понимание тождества. Диалектика отрицается как в ее социальных импликациях, так и в фундаментальных понятиях. Ж. Делез дает в этом отношении репрезентативный пример (Deleuze G. *Difference et repetition*. PUF, 1997).

В самом общем виде антиномическое состояние представлено фактом существования двух основных традиций современного философствования – логико-аналитической и феноменолого-герменевтической. Если мы вспомним, что на стороне антитезиса антиномии у Канта находится интерес эмпиризма, а на стороне тезиса интерес априоризма, то сопоставление соответственно названных современных тенденций с классическими, с которыми имеет дело Кант, оказывается вполне основательным. Это ведь соответствует интересу эмпиризма, с одной стороны, и интересу априоризма – с другой, т. е. ситуация взаимоотношения названных тенденций приобретает совершенно кантовский облик.

В работе «Идея всемирной истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант пишет: «Средство, которым пользуется природа, чтобы обеспечить развитие всех задатков людей (а, по Канту, все природные задатки предназначены к тому, чтобы полно и целесообразно развить-

ся. – М. В.), есть **антагонизм** между ними в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной его законосообразного порядка» (соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. М., 1994. С. 91). Эта мысль Канта способна оказать успокаивающее воздействие на тех, кто склонен считать антагонизм неустранимым состоянием общественной жизни, кто видит в современных формах существующего антагонизма нормальное состояние.

Две книги Смита «Theory of Moral Sentiments» (1759) и «Исследование о природе и причинах богатства наций» (1790), в первой из которых подчеркивается способность человека к альтруизму, а вторая, напротив, отмечает его эгоизм, резюмированы в антиномии практического разума Канта.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что кенигсбергский философ еще и в настоящее время был бы в состоянии дать уроки своим коллегам. Они состоят прежде всего в: 1) утверждении невозможности онтологии как науки, в частности, невозможности онтологического доказательства бытия Бога; 2) утверждении невозможности избавиться от отношения субъект-объект; 3) утверждении неизбежности антиномичности; 4) идее градации, стадий, диалектической противоречивости; 5) идее органической связи диалектики с характером отношения «субъект-объект»; 6) признании органической связи его воззрений с социальными условиями времени, в которое он живет. Правда, это последнее можно изучать и не по Канту. Но у Канта эта связь выглядит яснее, чем у кого-либо другого.

Кант – философ, давший основания для утверждения невозможности онтологии как науки, как материалистической, так и идеалистической. «...Гордое имя онтологии, – напишет он, – выражающее притязание давать синтетические априорные знания о вещах вообще в форме систематической науки (напр., основоположение причинности), должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого рассудка» (Критика чистого разума... С. 177).

Паралогизмы чистого разума, по мысли Канта, показывают, что невозможно выделить, так сказать, сознание в чистом виде, невозможно иметь чистое знание сознания, как это полагает осуществимым Декарт и современные сторонники феноменологии; столкновения космологической антиномии обращают внимание в том же самом отношении на материю, на бытие вне субъекта. «...Свойства моего я как чисто мыслящего субъекта не могут быть объяснены из основ материализма» и «... мы никоим образом ничего не можем узнать о свойствах нашей души, что касается возможности ее обособленного существования» (Критика чистого разума ... С. 244/5).

Шопенгауэру принадлежит мысль о воле как преимущественном по сравнению с разумом предмете интереса Канта. Утверждение о приоритете «Критики практического разума» по отношению к «Критике чистого разума» с некоторых пор стало довольно часто встречаться в работах крупных исследователей Канта (см., напр.: E.Weil. *Problemes kantians*. Paris, 1963). Нельзя не видеть и определенных резонансов для такого понимания Канта. Уже в первой «Критике» Кант относит именно на счет практического разума разрешение конфликтов, представленных в столкновениях антиномии.

В критике Кантом декартовского *cogito* показывается, в частности, невозможность избавиться от отношения «субъект-объект», «материальное-идеальное». Впрочем, антиномии и паралогизмы свидетельствуют о том же.

Помимо того, что большинство из названных проблем не сняты с повестки дня современной философии, следует отметить и то обстоятельство, что некоторые из кантовских решений этих проблем, в частности, проблемы возможности онтологии как науки, оказались незаслуженно не оцененными по достоинству. Хайдеггеровское прочтение Канта с неприязненным отношением Хайдеггера к диалектике, с его естественным для феноменолога стремлением подняться над отношением «субъект-объект», к сожалению, сыграло здесь не последнюю роль.

Заметим, что когда П. Рикер, смущенный собственной смелостью в попытке идти к бытию иным, более длинным (и, скажем, более корректным. – *М. В.*) путем, чем это имеет место у Хайдеггера, обращается к структуралистской (объективистской) методологии К. Леви-Стросса, то он необходимо приходит к восстановлению отношения «субъект-объект» и, как следствие, к диалектической, по меньшей мере, фразеологии (см., напр.: Конфликт интерпретаций. М., 1995, а также *La memoire, L'histoire, L'oublie*. Paris, 2000).

Ф. Энгельс отмечает, правда, что «учиться диалектике у Канта было бы без нужды утомительной и неблагодарной работой с тех пор как в произведениях *Гегеля* мы имеем обширный компендий диалектики, хотя и развитый из совершенно ложного исходного пункта («Старое предисловие к «*Анти-Дюрингу*». О диалектике». М. и Э. Избр. произв.: В 3 т. М.: Изд. полит. лит., 1981. С. 66). Это в принципе верно, если иметь в виду, что Кант представляет ущербную, точнее сказать, еще не доведенную до адекватного представления, форму диалектики. Ущербность эта прежде всего обращает на себя внимание в понимании диалектического противоречия, антиномий, которые для Канта являются возникающими необходимо, но представляющими собой границу собственно научного познания. Ущербная форма диалектики у Канта представляет собой, тем не менее, этап диалектического движения, который проходится любой развивающейся системой – и материальной, и интеллектуальной. «Поэтому первая и важнейшая задача философии заключается в том, чтобы устранить раз навсегда вредное влияние этой диалектики, уничтожив источник заблуждений» – КЧР, 18.

Есть, однако, еще один момент в кантовском развертывании диалектики, который делает версию диалектики этого философа чрезвычайно важной для нас, а именно: отчетливое понимание Кантом того обстоятельства, что возникновение антиномий существенно связано с активностью субъекта. Это означает, в конечном счете, что антиномия является воспроизведением структуры отношения

«субъект-объект», «материальное-идеальное». Это значит также, что то, что мы называли основным вопросом философии, представляет в то же время и то, что мы называем вместе с Лениным ядром диалектики. Понимание этого обстоятельства позволяет устранить ту конкретную форму дуализма, который был свойствен отечественной форме того, что мы называли марксистско-ленинской философией, которой тоже не было суждено аккуратно освободиться от реликтов кантианства.

Одним из самых примечательных моментов в развитии современной философии является довольно устойчивое стремление к устранению историзма. Это – шопенгауэровская линия развития кантовской философии, естественное следствие пренебрежения коперниканским переворотом, осуществленным Кантом в теории познания.

Между прочим, полезно знать, что имеет в виду Шопенгауэр прежде всего: «... мы придерживаемся того мнения, что все те бесконечно далеки от философского познания мира, кто думает, будто можно как-нибудь *исторически* постигнуть его сущность, хотя бы это и было очень тонко замаскировано; ... вся эта историческая философия, какую бы важность она на себя ни напускала, принимает время за определение вещей в себе. ... Истинный философский взгляд на мир, учащий нас познавать его внутреннюю сущность и таким образом выводящий нас за пределы явления, не спрашивает *откуда, куда и зачем*, а всегда и всюду его интересуется только *что* мира. ... Из такого познания исходит как искусство, так и философия, исходит также и то настроение духа, которое одно ведет к истинной святости и избавлению от мира» («Мир как воля и представление», 268).

Как видим, историческое познание оказывается прежде всего объектом критики со стороны Шопенгауэра. Это отношение к истории унаследовано современными критиками историзма (историцизма, по терминологии К. Поппера), сторонниками теории «конца истории». Шопенгауэр воспроизводит лишь старый конфликт бытия и становления,

который до сегодняшнего дня дает себя знать в философии и который, по мнению некоторых авторов, лишь начинают решать в современной науке и философии (И. Пригожин, И. Стенгерс). Не один Шопенгауэр оказывается в таком положении. Упомянутые выше А. Бергсон и В. Оствальд – более близкие к нам по времени авторы, которые отчетливо засвидетельствовали беспомощность антидиалектической и недиалектической мысли перед проблемой «бытие и становление».

Шопенгауэр – иллюстрация того положения вещей, когда неприятие линии развития Канта, представленной авторами, усматривающими принципиальную важность коперниканского переворота Канта, неизменно ведет к докантовскому уровню философствования. Следует, правда, отметить, что это лишь один из моментов, с которым коррелирует – а точнее определить его отношение к устранению истории мы не можем, по крайней мере, сейчас, – другой, а именно противоположный первому, представляющий эволюционный момент. Мы видим его в биологии, но и в эволюционной эпистемологии. Это также формирует одну из антиномий современного научного познания. Это тоже элемент кантовского типа, присутствующий в современном идейном контексте.

Собственно говоря антиисторизм не может быть непосредственно вычитан или даже дедуцирован из основных положений кантовской философии, или, точнее сказать, из основных положений этой философии может быть дедуцирован как историзм, так и антиисторизм. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что введение фактора активности субъекта в процессе познания необходимо связано со становлением историчности. Век истории, которым стало XIX столетие, обязан этим своим качеством грандиозным революционным событиям в Европе, в первую очередь, Великой французской революции, в которой субъект в лице третьего сословия заявил о себе как о творце собственной судьбы. Кант находится в самом начале осмысления этой связи активности субъекта и исто-

ричности, диалектичности, в конечном итоге, все значение которой будет выявлено в творчестве его великих последователей и критиков, Фихте и Гегеля в первую очередь. Этот пункт пользуется вниманием критиков диалектики, в особенности ее гегелевской формы, которые справедливо усматривали здесь противостояние Гегеля и Шопенгауэра.

А. Хюбшер, издатель и биограф Шопенгауэра, был не так уж не прав, когда писал: «С этого дня (*в этот день Шопенгауэр читал в большом зале заседаний Берлинского университета свою пробную лекцию, на которой присутствовал весь философский факультет во главе с Гегелем.* – М. В.) – 23 марта 1820 года – начинается борьба между Шопенгауэром и Гегелем, которая впоследствии получит решающее значение для всего будущего века, вплоть до нашей современности» (Хюбшер А., с. 9–10). Если этой борьбой и не исчерпывается все содержание философского процесса в 19 и тем более в 20 столетии, то во всяком случае две линии развития современной буржуазной философии здесь намечены с полной ясностью, и борьба против Гегеля продолжается в современной философии, для которой в настоящее время гораздо большее непосредственное значение имеет выступление против Гегеля под знаменем Ф. Ницше, который, правда, по мнению того же Хюбшера, уступает Шопенгауэру в ясности, связности и выразительности изложения (Хюбшер А. Мыслители нашего времени. 1960. С. 41) и представляет собой интермедию на пути от Шопенгауэра к экзистенциализму 20 столетия (Там же. С. 40). Создается впечатление, что в современной интеллектуальной атмосфере Кант более адекватным образом оценивается философствующими естествоиспытателями и математиками, чем профессиональными философами. Д. Гильберт, Л. Брауэр, В. Гейзенберг, К. фон Вайцеккер, Г. Вейль отнюдь не формальным образом исповедуют кантианство, хотя и весьма различным и часто неортодоксальным образом. Журнал «Erkenntnis», издававшийся когда-то антикантианцем Г. Райхенбахом, в настоящее время отмечен печатью влияния Канта. Этот интерес со стороны рево-

люционеров науки к философу, который считал, что аристотелевская форма логики является единственно возможной в своем роде, что геометрия Эвклида – феномен того же рода в своей области, что ньютоновская механика – единственно возможная форма естественной науки и т. д. может показаться курьезом. Интерес этот легко объясним, однако, если мы обратим внимание на то обстоятельство, что научное познание характеризуется с некоторых пор пониманием того факта, что субъективная активность представляет собой неотъемлемый аспект изучаемой реальности, но именно этот аспект был подчеркнут коперниканским переворотом Канта в теории познания, переворотом, идея которого была заимствована из естествознания и использована Кантом в деле преодоления кризиса в философии.

Революционные изменения в основных возникших в прошедшем столетии направлениях научного познания оказались существенно связанными с пониманием активности субъекта как фактора, существенно определяющего характеристику изучаемого объекта. Произошла существенная корректировка понятия объективности, предмет оказывался рассматриваемым субъективно, т. е. как результат тем или иным образом понятой практики исследователя, человека. Но вместе с этим в науку вошел и эволюционный момент, что дало упомянутому выше К. фон Вайцзекеру говорить о том, что развитие науки имеет тенденцию к науке о развитии («In dieser Sinne tendiert die Entwicklung der Wissenschaft zu einer Wissenschaft von der Entwicklung». *Die philosophische Interpretation der modernen Physik*. 7 Aufl., Halle (Saale), 1981. S. 7).

Современная философия вообще избавляет себя от работы по преодолению возникающих антиномий, и это совершенно естественно в той мере, в какой она претендует на преодоление отношения «субъект-объект», точнее, на позицию, характеризующуюся положением «над» названным отношением. Вместо работы с противоречием, его преодолением, снятием, авторы заняты тем, что, «философствуя молотом», демонтируют эти объективные противоре-

чия, реальные конфликты, придерживаясь одной из представляемых противоречием сторон. Историческую обусловленность такого рода подходов невозможно отрицать; больше того, можно сказать, что именно двигаясь в этих односторонностях, материал получает ту форму, ту степень зрелости, когда его оказывается возможным представить диалектически; невозможно, однако, не признать и другого: в своем развитии такого рода односторонние подходы доходят до такого уровня, когда становится очевидной невозможность удержаться в этой их односторонности, когда ясной становится необходимость преодоления ее и вместе с тем неспособность преодоления этой односторонности. Агрессивная антидиалектичность современных философов препятствует, разумеется, решению названных проблем, но следует иметь в виду, что она, эта агрессивность, уходит корнями в определенную социальную обстановку.

А. Шопенгауэр – начало одностороннего прочтения Канта. Как уже говорилось, это один из самых ярких примеров того, что если не развивать линию коперниканского переворота, то можно оказаться только на докантовском уровне. В книге «Мир как воля и представление» Шопенгауэра – очень много от монадологии Лейбница. Автор ее, конечно, лейбницианец со всем тем, что можно сказать и о Лейбнице и об априоризме в целом. Философия буржуазии теряет синтезирующую мощь, способность к синтезу, свойственную Фихте, Шеллингу, Гегелю.

Ни неокантианцы, ни Хайдеггер не будут в состоянии не только преодолеть выявленные Кантом противоречия, антиномии, но и просто представить их в отчетливом виде и осознать их значение. То жизнь, то познание, то гносеологическое, то онтологическое, то ценностное, то эстетическое прочтение, то история, развитие, изменение без того, что изменяется, то *что* Шопенгауэра без истории, без *откуда, куда и зачем* Канта станет на место целостного, синтетического видения его, которое прежде всего выражается в попытках преодоления разлученности субъекта и объекта, в преодолении того, что связано с существованием вещи в

себе, отчуждения субъекта от вещи, отчуждения гносеологического порядка прежде всего. Даже тогда, когда, как, скажем, у Г. Когена, мы имеем дело с освещением, развитием в определенном направлении всех сторон кантовской концепции, даже тогда мы имеем дело фактически с фрагментарным представлением, с мозаикой, отдельные части которой не удерживаются в единстве исходными принципами главы Марбургской школы. Цельность концепции не может быть достигнута, если игнорируется значение отношения «субъект-объект», что не должно быть понято, будто на основе названного отношения требуемая цельность возникает, так сказать, автоматически.

Лозунг «Назад к Канту», в сущности, означал нечто большее, чем простое возвращение к идеям Канта. Это движение фактически включало в себя реакцию на гегелевскую диалектику и на ту социальную атмосферу, которой отвечала эта диалектика, а этому противостояли не только неокантианцы, но и Шопенгауэр, Кьеркегор, Конт, Ницше, Гуссерль и т. п., а еще раньше романтики, в частности, такие как Р. Шатобриан во Франции и близкий к романтикам Ф. фон Баадер в Германии. Кажется, не последнюю роль сыграло в этом процессе и возрастающее влияние марксизма.

Следует, конечно, еще раз отметить, что Кант не был бы Кантом, если бы его концепция была бы выведена из единого принципа, снимая все выделенные мыслителем противоречия – дуализм является сущностным признаком, сущностной характеристикой его доктрины. Но в этом качестве сущностной характеристики доктрины дуализм феноменального и ноуменального Канта позволяет увидеть необходимость и значение всех остальных коллизий, которыми пронизана кантовская философия.

В опытах прочтения Канта следующими за ним представителями немецкой классической философии (Фихте, Гегель) отчетливо выступит важная особенность послекантовского философского развития, а именно обращение к внефилософскому материалу, прежде всего к материалу политической экономики, к критике политэкономической

вещи в себе, в сущности, открытой А. Смитом, к устранению отчуждения в социально-экономической сфере. Движение это будет завершено открытием исторического материализма Марксом и Энгельсом, концепции, в которой собственно философское существует уже лишь в снятом виде, составляя существенный элемент науки нового типа.

Думается, что следует четко представлять, в чем состоит абсолютная необходимость движения в этом направлении, в чем преимущество того прочтения Канта, которое имеет место у Фихте и Гегеля. Быть может, одним из самых важных оснований для обращения к нему, а это обращение к диалектике, оказывается то обстоятельство, что только на основе корректного понимания ее базисных понятий (тождество, различие, противоречие) возможно корректное же представление процесса, эволюции, истории: эволюционные подходы в различных дисциплинах, – а это стало знаменем времени – в том числе в эволюционной биологии, этой цитадели идеи развития, оказываются несостоятельными в силу неудовлетворительного ответа на вопрос о том, что собственно эволюционирует, что является предметом эволюционного процесса. Р. Коллингвуд в отношении истории общества (*Идея истории*. М.: Наука, 1980) и Э. Майр в отношении эволюционной биологии (*Популяции, виды и эволюция*. М.: Мир, 1974) впечатляюще характеризуют каждый в своей области затруднения отмеченного свойства. «Понимание природы видов, – пишет, напр., Майр, – ... является необходимой предпосылкой понимания эволюционного процесса» (с. 19). Самое замечательное в обоих случаях состоит фактически в том, что предмет исторического движения как в обществе, так и в природе не может не обрести черты диалектической противоречивости. Достаточно вспомнить в этом отношении понятие общественно-экономической формации Маркса и современное понимание вида в эволюционной биологии.

Есть и другие основания для обращения к диалектике: фиксируя столкновения антиномии как границу научного познания, Кант останавливается в развитии своего копер-

никанского демарша там, где современная наука видит наиболее интересные проблемы.

Две основные линии развития современной философии – континентальная и аналитическая – довольно ясно обнаруживают тенденцию к синтезу, именно тем, что в каждой из них обнаруживается нечто свойственное ее противоположности. Так, традиция аналитическая, ориентирующаяся на науку, и в науке прежде всего на естествознание или, даже точнее, на экспериментально-математическое естествознание, объективистская, обнаруживает интерес к герменевтическому аспекту (см., напр.: P. Heelan. Natural science as a hermeneutic of instrumentation. In: *Phil. of Sci.*, vol. 50, № 2; да уже у Л. Витгенштейна это имеет место), тогда как феноменологическая или, точнее, феноменолого-герменевтическая, субъективистская, линия в современной философии явно интересуется аналитическим элементом (см., напр., Ricoeur). Вместе с тем трудно рассчитывать на то, что синтез этих направлений, преодоление односторонностей, связанных с каждым из них, сможет осуществиться как лишь теоретическое предприятие. Их формирование и развитие в качестве противостоящих концепций имело место во вполне определенных социальных условиях, естественно, что их объединение необходимо предполагает изменение этих условий.

Если же не принимается линия развития, представленная послекантовским классическим немецким идеализмом, – а он стал алгеброй революции, т. е. с самого начала оказался ориентированным на практическое преобразование действительности, – то остается единственная возможность: принять кантовскую доктрину, которая позволяет, с одной стороны, достаточно полно представить окружающую нас действительность, не пытаясь связать существующие элементы единым принципом, а с другой – неизбежно впасть в грех докантовской философии – или в эмпиризм (объективизм), или в рационализм (субъективизм), разрешить спор между которыми имел намерение Кант, но которому это не удалось сделать.

Можно, в целом, сказать следующее: современная философская традиция так и не вышла за пределы горизонта кантовской мысли. Преодоление барьера, заданного Кантом, даже сознание его как такового, означало бы осознание факта отчуждения, отчуждения субъекта от объекта. В современной философии это существует лишь как констатация исчезновения субъекта, уничтоженного машинной цивилизацией (F. Junger, J.-L. Nancy). Могут сказать, что за Кантом последовали Фихте, Шеллинг, Гегель, которые существенно продвинули решение вопросов иногда лишь намеченных великим кенигсбержцем. Все это верно, но, во-первых, мы говорим о философии наших дней. Традиция Фихте, раннего Шеллинга, Гегеля – субверсивная традиция, а она не пользуется пиететом нынешнего идеологического истеблишмента. В современной нам философии, следовательно, нет и не может быть той устремленности к преодолению барьера между субъектом и объектом, той страсти к синтезу, преодолению отчуждения, превращению вещи в себе в вещь для нас, которой отмечено непосредственно следующая за Кантом линия развития, представленная классической немецкой философией. Напротив, современная философия утратила дух критицизма, она в очень существенной степени характеризуется именно атаками на диалектику, представленную классической немецкой философией, начало которой положено великим Кантом.

Едва ли можно согласиться с утверждением Ф. Фукуямы относительно 1789 года, а именно, что после Великой французской революции в мире не произошло ничего нового, если только не иметь в виду, что не произошло качественного изменения общественного строя возникшего в результате этого события. Но трудно отделаться от мысли, что после Канта, творчество которого пришлось на годы, отмеченные революционным духом в общественной жизни, в науке и который был революционером в познании, в мире философии, рожденной этой атмосферой, не произошло ничего нового по существу. Традиция развития философии, представленная Фихте, ранним Шеллингом, Гегелем фак-

тически вела к снятию философии через наукоучение, науку логики, в историческом материализме. То, что осталось от собственно философии оказалось материалом кантовского и докантовского уровня. Кант – необходимый момент диалектического движения, его начало, т. е. движения преодоления разрыва между теорией и практикой, между бытием и становлением. Но как только отказываются от продолжения Канта в духе Фихте, так тотчас попадают на докантовский уровень философствования. Шопенгауэр с его обращенностью к Лейбницу – первый пример этого рода, Гуссерль – более близкий к нам автор, «радикализирующий» Канта, обращается к Декарту.

Без Канта нельзя понять создавшейся в обществе, в познании ситуации, с Кантом нельзя ее разрешить. Понимание величия, масштабности творчества Канта не должно препятствовать пониманию того, что в настоящее время именно кантианство служит главным философским препятствием для дальнейшего научного и социального движения и преодоление его во всех сферах теоретической и практической деятельности является важнейшей задачей развития. Самое высокое уважение к творчеству великого мыслителя состоит, думается, в том, чтобы, поднявшись на сделанном им, оказаться в состоянии видеть и идти дальше.